

Юбилей

А.Т. Энгельгардт

«Хочу поверить в счастье света»

*К 110-летию со дня
рождения А.А. Чижевского*

В начале космической эры, открытой советскими людьми в 1957 году запуском первого искусственного спутника Земли, Александр Леонидович Чижевский написал: «Личность великого ученого К.Э. Циолковского в грядущем времени будет интересовать наших потомков, быть может, не менее, чем в наши дни нас интересует личность великого Пушкина. Все, что связано с жизнью и деятельностью Александра Сергеевича, прилежно и неустанно собирается и издается, – так и все, что связано с жизнью и деятельностью Константина Эдуардовича, представит для будущего человека неиссякаемый интерес»¹. Чижевский оказался прав: имя Циолковского известно всему миру, ему воздвигнуты памятники, открыты музеи в разных городах, его книги находятся на борту орбитальных космических станций. Выход человека в космос, планомерное изучение окрестностей Земли, других планет, Луны, Солнца и других объектов Вселенной ускорили триумф научных идей и самого Чижевского. Благодаря ему человечество все больше уходит от упрощенного взгляда на Солнце только как на источник тепла и света и все больше осознает его значительную роль в своей исто-

¹ Чижевский А.Л. Вся жизнь. М., 1974. С. 35.

А.А. Чижевский, сестра его отца О.В. Лесли-Чижевская и отец А.В. Чижевский. 1917

рии. «Люди и все твари земные являются поистине “детьми Солнца”»²; «Жизнь <...> в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное»³, – утверждал А.Л. Чижевский. Его научный подвиг современные философы сравнивают с подвигом Н. Коперника, разрушившего геоцентрическую систему мира Птолемея. Если Коперник сделал Землю рядовой планетой, а Солнце центром планетной системы, то Чижевский обнаружил явственный след солнечной ритмики во всемирной истории и на всех этапах органической жизни Земли. Это открытие имеет огромное мировоззренческое значение.

Имя Чижевского сегодня стоит в одном ряду с именами основоположников космического естествознания К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского. Издаются и разрабатываются его научные труды, развиваются и используются его идеи о солнечно-земных связях, воплощаются в жизнь изобретения, проводятся Чтения памяти А.Л. Чижевского. Собираются и бережно хранятся разнообразные материалы, связанные с его жизнью и деятельностью. В калужском доме Чижевских открыт научно-мемориальный музей его имени.

Чижевского небезосновательно называют Леонардо да Винчи XX века, имея в виду многообразие и яркость его творческого дарования, а также Галилеем за те страдания, которые выпали на его долю. 16 лет он по воле властей был оторван от большой науки, находясь в тюрьме, лагере, ссылке. Да, жизнь великих людей протекает не только в постижении космических законов природы, но

и в изнурительной борьбе с земными противниками. Эти люди уходят из жизни, далеко не исчерпав всех данных им от природы возможностей.

Александр Леонидович Чижевский (1897–1964) родился на исходе XIX столетия, и полем его деятельности была Россия XX века. XX век был наполнен катастрофическими событиями в жизни Российского государства: Первая мировая война, свержение монархии, пролетарская революция, гражданская война, установление авторитарного режима, политические репрессии, Вторая мировая война, конец сталинской диктатуры и хрущевская оттепель... И все это пришлось на годы жизни Чижевского.

Одно дело наблюдать череду этих событий со стороны или издали, другое – жить в них и, более того, пытаться понять, связывая их с колебаниями солнечной активности. Чижевскому советовали: занимайтесь изучением влияния активности Солнца на организм человека, на животных, микроорганизмы, растительный мир. Общество оставьте в покое. Оно живет по своим законам, установленным Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным, и Солнце здесь ни при чем. В противном случае у вас будут большие неприятности.

Авторитарное государство ломало людей и их судьбы. Но кроме идеологизированного властного аппарата был еще и человеческий фактор. Чижевский в полной мере на себе испытал и зависть, и ненависть, и интриги врагов в науке. Он был подготовлен к этой борьбе всей предшествующей жизнью, воспитанием, образованием и в том чис-

² Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976. С. 28

³ Там же. С. 33.

ле генетически. Он принадлежал к роду потомственных дворян Чижевских и Невиандтов, представители которых отличились в боях, защищая нашу родину. Александр Леонидович имел сильный характер, но был вспыльчив. Знал этот свой недостаток и боролся с ним. В этом случае он не был похож на своего отца, который улаживал конфликты дипломатически. Здесь он был похож на деда, А.Ф. Невиандта, отличавшегося крупным нравом. Однако он быстро остывал, появлялось чувство вины, и тогда он готов был просить у всех прощения.

Он не терпел обмана, сам был правдивым. В сталинское время остро бичевал недостатки, что рассматривалось как вражеский выпад, как антисоветчина. «Не враг народа я, но враг убийц народа», – писал он в одном из своих стихотворений. За что и поплатился, был арестован и осужден на 8 лет заключения в сталинских лагерях. Роковую роль в его судьбе сыграла и привычка вести дневники, куда он записывал все самое сокровенное.

Воспитание его состояло в том, чтобы не прожить ни одного дня без дела. Чижевский говорил, что дисциплина поведения, дисциплина труда и дисциплина отдыха были привиты ему с раннего детства. Этим качеством он был обязан строгому воспитанию и тем правилам, которые привили ему родители и родные с первого дня существования. С детства он привык к постоянной работе. «И когда пришло время, когда нельзя было не работать, – напишет позднее Александр Леонидович, – я принял работу как истинное бла-

А.А. Чижевский за мольбертом. 1913

го, как обычное и обязательное явление жизни»⁴. Это помогало ему выжить в тех трудных условиях, в которых он оказался после ареста. И там он не теряет силы духа. Работа его души и мозга никогда не останавливалась, ее не смогли сломить ни лагерь, ни ссылка. «Постепенно я становлюсь безразличным к своей судьбе и, пожалуй, прикончил бы эту отвратительную канитель, – запишет он в своем лагерном дневнике, – но творческая работа мысли продолжается безостановочно. Я жажду творческого труда и исканий вопреки

⁴ Чижевский А.Л. Вся жизнь. С. 81.

Калуга. Улица Московская (бывшая Ивановская)

всему тому, в чем барахтаюсь, отстаивая свое гаснущее существование, вот уже шестой год»⁵.

Исследуя электрические свойства эритроцитов, он открывает структуру движущейся крови, что явилось выдающимся открытием в гематологии. Это открытие приравнивают к открытию Гарвеем системы кровообращения. Для разработки своей новой теории он смог найти в лагере и сплотить ученых, специалистов в области биологии и математики – А.М. Тихонова, Г.Н. Перлатова, Г.И. Левина. Мне посчастливилось встретиться с Г.Н. Перлатовым и Г.И. Левиным. Они рассказывали, что Чижевский им очень помог, привлекая к работам над изучением структуры движущейся крови, – тем самым он облегчал их участь, освобождал их от непосильного труда. Они до конца жизни с благодарностью вспоминали Александра Леонидовича. Он в это трудное время вселял в них веру в будущее, поддерживал дух, ведь многие не верили, что выживут, их уг-

нетало это положение, они были выбиты из привычной колеи. А Чижевский вдохновлял их, он был убежден, что этими исследованиями они смогут приблизить разгадку еще одной тайны человеческого организма.

И в 1963–1964 годах, когда он был уже тяжело болен и догадывался, что его ожидает, Александр Леонидович продолжает работать. Пишет воспоминания о Циолковском, о своих предках. Понимая, что может не успеть, решает в день писать не менее 25 страниц. Его лечащий врач (Чижевский последний год находился в больнице) говорил, что он вел себя мужественно, палата его напоминала кабинет ученого, он постоянно работал.

Одной из особенностей его личности была жажда познания. Сам он сообщает: «Если бы у меня были тысячи глаз и тысячи рук, я всем бы им нашел работу. Я все хотел сам видеть, все слышать, все ощущать, во все проникнуть и насытить, наконец, свою неутолимую жажду»⁶. Полу-

⁵ Солнечный пленник. Научно-документальный фильм. Центрнаучфильм. 1989.

⁶ Чижевский А.Л. Вся жизнь. С. 10.

А.А. Чижевский. Вечер после дождя. 1945. ГМИК им. К.Э. Циолковского. Калуга

А.А. Чижевский. Светлая поляна. 1945. ГМИК им. К.Э. Циолковского. Калуга

чив среднее образование, он сразу поступил в два института (действительным слушателем в Московский коммерческий институт и вольнослушателем в Московский археологический). Но и этого ему было мало, он посещает лекции в Университете Шанявского и с разрешения ректоров М.К. Любавского и М.А. Мензбира слушает в Московском университете лекции на отделениях физико-математическом и медицинском. «Я метался из одной области в другую и наслаждался дивной способностью ума познавать», – напишет он позднее. Учился Чижевский всю жизнь, был широко образованным как в области гуманитарных, так и в области физико-математических наук. Его знаниям мог бы позавидовать и профессор филологии, и истории, и физики, и математики, и биологии, и химии. Ему было все интересно, об этом говорят книги из его библиотеки.

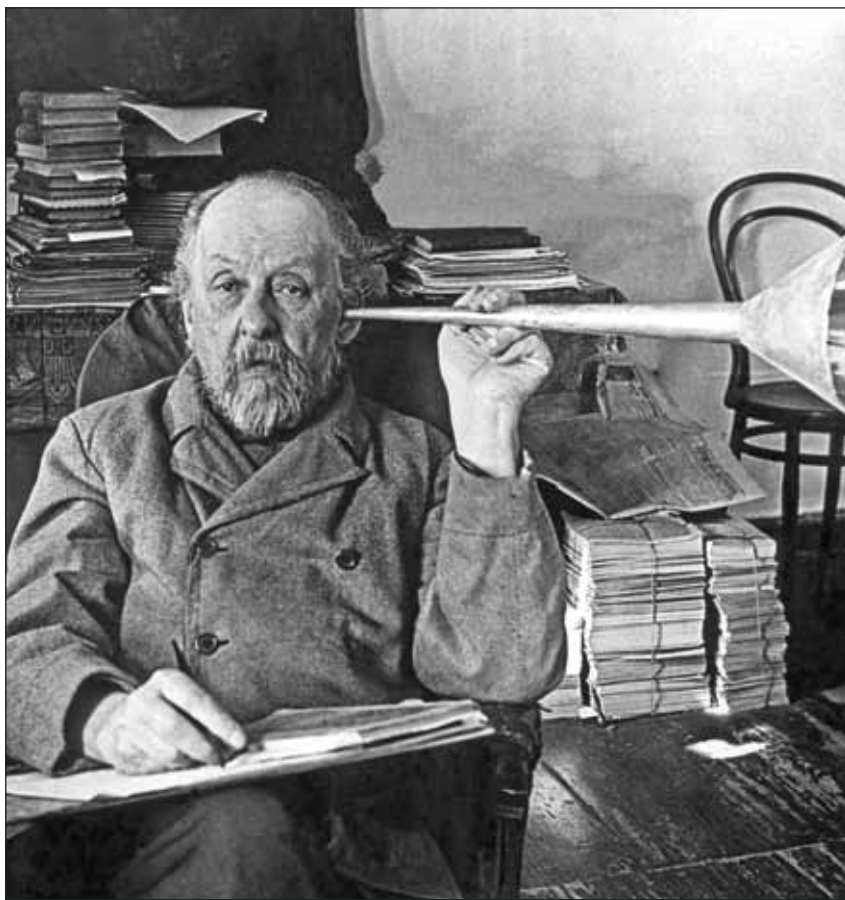
Книги он собирал всю жизнь. Огромная библиотека, собранная им и его предками, во время ареста была конфискована и навсегда утрачена. После освобождения из лагеря он вновь начинает собирать свою библиотеку, в которой, кроме литературы по различным научным направлениям и художественной, множество вузовских учеб-

ников по различным специальностям, литература на иностранных языках. Находясь в лагере, Чижевский отстал от новых достижений и наверстывал упущенное. Часть этой библиотеки передана в Калужский музей его имени. У Чижевского было прекрасное качество – непрочитанную книгу на полку не ставить. Почти на всех книгах есть его пометы.

Следует отметить и такое качество его характера, как честолюбие в хорошем смысле этого слова. Еще в юности он заявил:

*Хочу поверить в счастье света
В гореньи юношеских дней
И, как незваная комета,
Блеснуть миллионами огней.*

Эту юношескую мечту – «блеснуть миллионами огней» – ему удалось осуществить. Выдающийся ученый, сделавший несколько открытий в науке, он был вместе с тем утонченным поэтом-философом, талантливым художником, прекрасным музыкантом. Физик и лирик в нем были нераздельны. Все, кто любит природу, тонко ее чувствует, восхищаются необыкновенным

К.Э. Циолковский со слуховой трубой. 1930-е гг.

мастерством Чижевского как художника-колориста. Даже находясь в лагерях, за колючей проволокой, и в ссылке, он не оставлял изобразительного искусства. Красота природы, особенно родного края, согревала его душу и помогала выжить в нечеловеческих условиях. И конечно же, следует отметить его целеустремленность.

Несмотря на великий соблазн после знакомства с К.Э. Циолковским и его трудами пойти по пути исследования проблем, которыми занимался Константин Эдуардович, – а у Циолковского было море идей, и Чижевский часто с ним их обсуждал, хорошо изучив труды своего старшего друга (разница в возрасте была 40 лет), – он, однако, не стал продолжателем Циолковского, а упорно и настойчиво развивал свои мысли и взгляды, которые со временем выросли в новые направления науки.

Обоих интересовал космос. Но Циолковский рассматривал космос как среду, в которую надо проникнуть и которую надо освоить, а для Чижевского космос был той громадной силой, которая систематически и постоянно влияет на жизнь планеты. И он не отошел от своих взглядов и продолжал исследовать влияние космоса на органиче-

скую жизнь. Он не только брал, черпал опыт жизни Циолковского, выступая в роли ведомого, но когда появилась угроза захвата приоритета Циолковского как основателя космической ракетодинамики со стороны зарубежных ученых Оберта и Годдарда, Чижевский оказал самую большую ему поддержку. Он по существу взял на себя переиздание (спустя 20 лет) его основополагающего труда 1903 года «Исследование мировых пространств реактивными приборами»⁷. Написал предисловие на немецком языке к этому труду и добился того, что все ведущие ракетчики мира, в том числе и в Советской России, получили эту книгу и узнали истинный вклад Циолковского в мировую науку.

В этом ярко проявились и его высокие патриотические качества – он смог отстоять отечественный приоритет в разработке важнейшей проблемы, – и, конечно же, на-

дежность его как друга. Он всегда помнил своего старшего друга и был благодарен и верен этой дружбе. В конце жизни, как только появилась возможность, Чижевский выполнил обещание, которое дал Константину Эдуардовичу еще в 1928 году, – написать правду о Циолковском, о его борьбе за свои идеи, о тех, с кем ему приходилось бороться за свою правоту. Мемуары, озаглавленные Чижевским «Годы дружбы с К.Э. Циолковским», впервые увидели свет после смерти их автора в 1995 году под заголовком «На берегу Вселенной. Годы дружбы с К.Э. Циолковским». Книга во многом отличалась от книг о Циолковском, вышедших в конце 1950–1960-х годов, когда имя его было у всех на устах. В своих мемуарах А.Л. Чижевский поведал такое, что в условиях жесткой цензуры не могло быть опубликовано, хотя отдельные главы выходили в журналах еще в советское время и в сокращении (всего несколько глав) вышли в 1974 году под названием «Вся жизнь».

Патриотизм – определяющее свойство его личности. В Первую мировую войну, в 1916 году, он добровольцем отправился на Галицийский

⁷ Циолковский К.Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами // Научное обозрение. №5. СПб., 1903.

фронт, принимал участие в военных действиях в качестве корректировщика артиллерийского огня, бомбардира. Правда, воевал недолго, всего три месяца, но за это время проявил храбрость и мужество, за что был награжден Георгиевским крестом IV степени. После революции, в октябре 1917 года, Чижевские не покинули своей страны, остались и помогали строительству новой жизни. Поняв, что возврата к старому не будет, отец сказал: «Надо работать и работать, чтобы создавать культурные ценности... Я – русский и России в ее тяжелые годы не оставлю»⁸. И сын тоже много работает, думает над тем, как помочь народу в образовании, воспитании его. В этом отношении интересен его трактат «Академия поэзии», изданный в Калуге в 1918 году.

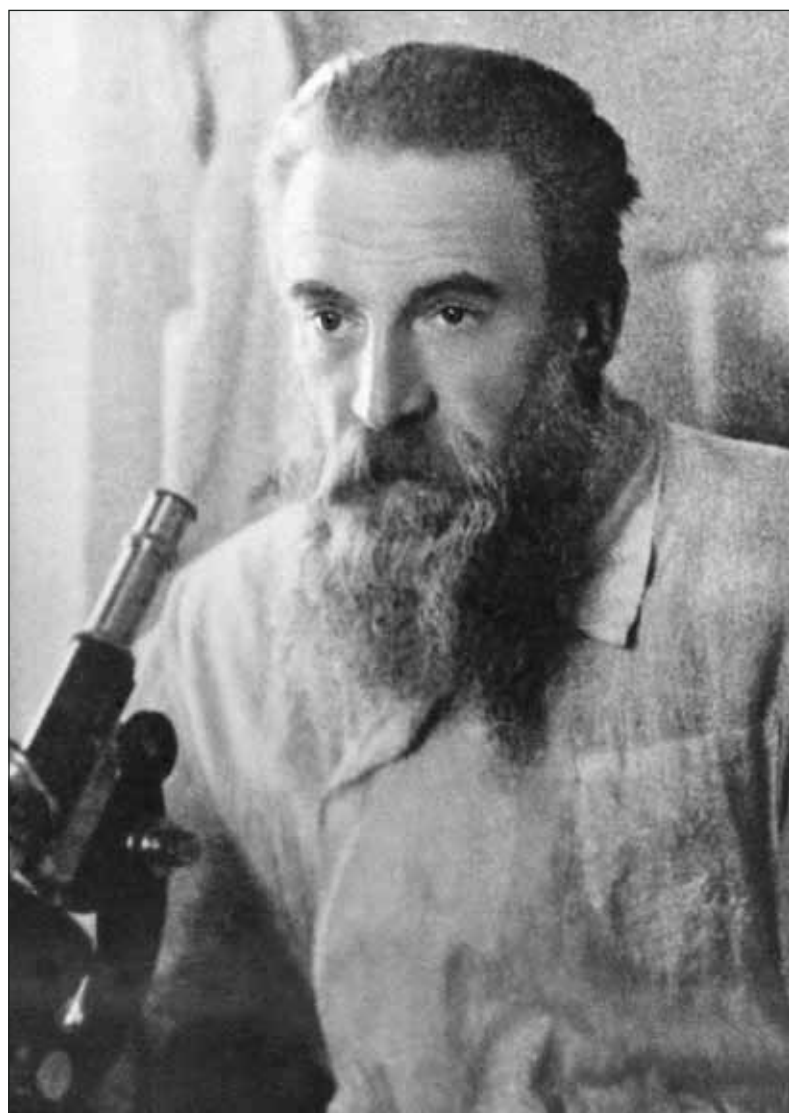
Со старинным русским городом Калуга связаны 15 лет жизни (1913–1929 годы) А.Л. Чижевского. Здесь прошли его юные и молодые годы. Это был очень плодотворный период жизни, здесь родились и оформились смелые мысли о солнечно-земных биосферных связях и о биологическом действии искусственно-ионизированного воздуха. Он уже тогда заявил о себе как талантливый поэт, в поэзии которого необычайно громко зазвучала тема космоса, его влияния на Землю; как тонкий художник-колорист, запечатлевший «магию незримых переходов» и «музыку тончайших светотеней» в природе. В это время, в 1920-е годы, он многое сделал для пропаганды идей К.Э. Циолковского и утверждения его приоритета в разработке основ ракетодинамики и космонавтики.

В 1929 году А.Л. Чижевский покидает Калугу и перебирается окончательно в Москву, но он никогда не забывал город на Оке, в котором жил и учился, проводил научные исследования и эксперименты, где испытал радость первого открытия и где у него было много друзей. В 1931 году Александр Чижевский передает безвозмездно свой патент на устройство ионизации газов и жидкостей советскому правительству для укрепления здоровья народа.

Отличительной чертой Чижевского была убежденность, настойчивость в достижении цели. Он был непримиримым борцом за свои идеи, был упорен. Он еще несколько лет после выхода в свет книги «Физические факторы исторического процесса» продолжал изучать зависимость социальных движений, в том числе забастовочной, революционной, национально-освободительной борьбы, от солнечной активности, несмотря на то, что из-за этой книги отношение многих ученых к Чи-

жевскому резко изменилось, у него появилось много врагов. Большевики не желали считаться с его естественно-биологической гипотезой, объясняющей эволюционный процесс в обществе. Для них существовал только социально-экономический фактор, – которого Чижевский, кстати сказать, не отрицал. Дело дошло до того, что от него потребовали отказаться от этой теории публично. В выписке из протокола №7 заседания Президиума Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ) 2 февраля 1932 года значилось: «Предложить профессору Чижевскому опубликовать в печати сделанное им на заседании Президиума Академии от 15 января заявление, осуждающее его прежнюю теорию о влиянии солнечной деятельности на социально-исторический процесс»⁹.

Всего год назад вышло Постановление Совнаркома СССР №268 «О работе проф. А.Л. Чижевско-

А.Л. Чижевский – заведующий клинической лабораторией госпиталя Спасского отделения Карлага. 1949

⁸ Чижевский А.Л. Вся жизнь. С. 54.

⁹ Архив РАН. Ф. 1703, оп. 1, ед. хр. 216, лл. 205–208.

го», согласно которому была создана Центральная научно-исследовательская лаборатория ионизации (ЦНИЛИ) при Президиуме ВАСХНИЛ, он был увлечен планами аэроионизации страны, и вдруг – угроза быть отстраненным от дел. Пришлось написать письмо в редакцию газеты «Правда», в котором Чижевский объяснял: «В 1922 году мною, действительно, была закончена статистическая работа, в которой излагалась идея о том, что между числом движений человеческих масс и максимумом периодической деятельности солнца имеется некоторое совпадение во времени. Этому совпадению я попытался дать объяснение, увлекся фантастическими положениями и впал в грубые ошибки, благодаря недостаточному знакомству в то время с историческим материализмом, так как работа эта была начата еще до Октябрьской революции (в 1915 г.)»¹⁰. Позже он напишет: «Поведение ученого, борющегося за свои убеждения, может быть только двояким: либо ученый становится в непримиримую позицию по отношению к своим противникам

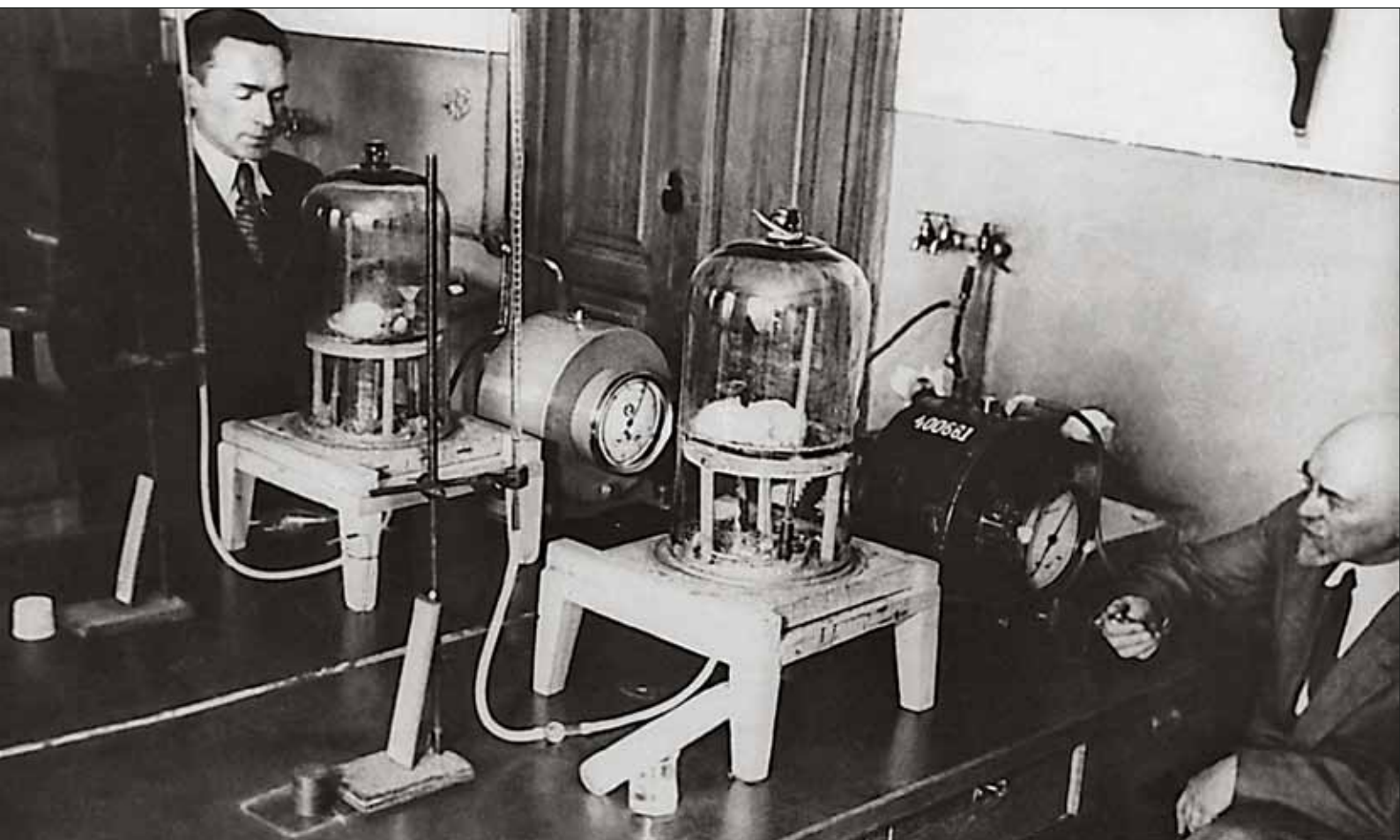
и начинает войну за свои идеалы, либо, следуя дипломатическому кодексу, ведет “игру”, принимая компромиссы, чтобы, в конце концов, выиграть или проиграть...»¹¹ В данном случае он выбрал компромисс, чтобы сохранить ЦНИЛИ.

Чижевский обладал организаторским талантом. Создание ЦНИЛИ для него было новым испытанием. Он никогда не занимал руководящих постов, и в возрасте 34 лет ему предстояло начать с нуля совершенно новое дело. И он достойно справился с задачей: сумел привлечь к работе в ЦНИЛИ более 50 видных ученых, исследования проводились в нескольких институтах, было подготовлено четыре тома «Трудов ЦНИЛИ», правда, только два из них увидели свет и получили высокую оценку многих зарубежных и советских ученых. А два других были набраны, а потом рассыпаны в типографии из-за происков противников аэроионизации и самого Чижевского.

Самым ярким противником Чижевского оказался директор Всесоюзного института животноводства Б.М. Завадовский. Травля началась

¹⁰ Архив РАН. Ф. 1703, оп. 1, ед. хр. 216, л. 209.

¹¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. Годы дружбы с К.Э. Циолковским. Воспоминания. М., 1995. С. 491.

А.Л. Чижевский и профессор В.К. Варищев проводят опыты в 3-м Московском медицинском институте. 1938

с первых шагов работы ЦНИЛИ. Чижевский не был мастером интриг, как Завадовский, действовал интеллигентно, пытался вести полемику на страницах газеты «Правда». Однако такая полемика не могла принести плодов, шло сплошное очернительство, и на заседаниях Президиума ВАСХНИЛ младшему брату помогал громко и громить Чижевского старший брат – академик М.М. Завадовский. Чижевский не был оратором и в ближнем бою с противниками аэроионизации был не силен, к тому же за Б.М. Завадовским стояло слишком много влиятельных лиц в научных и правительственных кругах. В результате Чижевский проиграл, и в 1936 году ЦНИЛИ была закрыта.

Завадовские праздновали победу. Однако окончательно в этой борьбе все-таки победил Чижевский. Аэроионы есть, и они лечат. Солнце влияет на социальные процессы, и это доказывает история всего XX столетия.

Чижевского отличала еще одна особенность его характера – независимость. Отношение его к авторитетам не было раболепным. Он говорил: «Верю лишь одному закону – закону больших цифр»¹². К тому времени, когда Чижевский только начинал свои исследования в области аэроионизации, А.П. Соколов был человеком уже известным в научных кругах – исследователь радиоактивности земли, ионизации атмосферного воздуха, электролиза, ученик А.Г. Столетова. У Чижевского возникли с ним разногласия по поводу полярности аэроионов. Соколов полагал, совершенно априорно, что благотворное влияние на живой организм оказывают положительные аэроионы, Чижевский же экспериментально доказал, что отрицательные. И хотя это осложняло его жизнь, он был настойчив и верен полученному результату.

То же самое и в области гелиобиологии. Чижевского не смутило негативное отношение знаменитого ботаника К.А. Тимирязева к теме его докторской диссертации «О периодичности всемирно-исторического процесса». «Я могу припомнить, – вспоминал Чижевский, – <...> возражения знаменитого ботаника профессора К.А. Тимирязева, который считал, что “разгромил” мой доклад 1917 года. Но его точка зрения была ни-

А.А. Чижевский – директор ЦНИЛИ. 1930-е гг.

чуть не убедительна для меня, и игра словами не могла поколебать моих наблюдений и собранных мною данных»¹³.

Такое же негативное отношение было у ученых С.А. Чаплыгина и В.П. Ветчинкина к работам К.Э. Циолковского. И Чижевский, невзирая на их авторитеты, жестко отстаивал правоту Константина Эдуардовича, всеми доступными средствами и методами пропагандировал его идеи, их будущность. Это мешало его репутации, ведь многие ученые считали Циолковского беспочвенным мечтателем, фантазером.

К изучению того или иного вопроса в науке подход у него был глубокий, основательный, он знал историю вопроса досконально. Беря в руки

¹² Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. Годы дружбы с К.Э. Циолковским. Воспоминания. С. 85.

¹³ Там же. С. 494.

его труды по гелиобиологии или аэроионизации, мы убеждаемся в этом. Первые главы, как правило, посвящены истории этой науки. Он был щепетилен и всегда делал ссылки на труды тех ученых, на чьи идеи опирался, у кого что-либо заимствовал. В этом ему помогали знания иностранных языков и древних – латинского, древнегреческого, древнерусского, старославянского. Не случайно для Археологического института им был подготовлен курс лекций «Эволюция точных наук в древнем мире». Следует заметить, что Чижевский прекрасно владел и русским языком. Свои мемуары и научные труды он излагает красивым литературным слогом, ясно и понятно. Между прочим, в 1920-е годы он был преподавателем русского языка по новой орфографии на Калужских командных пехотных курсах.

Завершая характеристику личности Александра Леонидовича Чижевского, хочется сказать, что он был живой иллюстрацией к словам Пушкина: «Быть можно дельным человеком, но думать о красе ногтей» или Чехова: «В человеке все должно быть прекрасно...» В Калуге его называли франтом, денди лондонским. Он был высок, стро-

ен, хорош собою. Ходил всегда с иголки одежды – с белоснежным накрахмаленным воротничком, с тростью, в шляпе, курил трубку. Занимался спортом, увлекался музыкой, сочинял стихи. Рассказывают, что был очень эмоционален, слушая музыку, терял сознание. У него в детстве торчали уши, этот недостаток он исправил, сделав прижимы для ушей, с которыми ходил, не обращая внимания на насмешки двоюродных сестер. Говорил: «Хочу быть красивым». В 1930-е годы, живя в Москве, любил посещать театры, кино, был дружен с артистами Малого театра, с которыми познакомился через семью Дуровых, с режиссером Всеволодом Пудовкиным, с художниками Александром Дейнека, Александром Бенуа, К. Петровым-Водкиным, З. Серебряковой. Был знаком с И. Буниным, В. Брюсовым и многими другими известными писателями и деятелями искусства.

Сейчас научно-мемориальный и культурный центр А.Л. Чижевского, расположенный в Калуге в доме, где он жил и работал почти 15 лет, повествует о его жизни и творчестве, знакомит с его наследием, популяризирует идеи гелиобиологии и аэроионификации, незаслуженно забытые в со-

Научные труды А.Л. Чижевского

А.В. Водолагин

Солнцепоклонник

Разработанная А.Л. Чижевским теория всемирно-исторического процесса не лишена философских оснований, своеобразие которых может быть воспринято и оценено по достоинству лишь философами и историками философии. Позитивистски ориентированные специалисты либо не заметят этих глубинных предпосылок «историометрии» Чижевского, либо отмахнутся от них как от вненаучных, «ничего не стоящих» представлений. Между тем философия истории Чижевского, образующая тео-

ретико-методологический базис его концепции исторических циклов, представляет собой самостоятельную ценность. Для того чтобы понять последнюю, необходимо выйти за пределы навязываемой нам современностью «актуальности» и рассмотреть «историометрию» в более широком духовно-историческом контексте.

Не много найдется в XX столетии ученых, которые подобно Александру Леонидовичу Чижевскому с неподдельным интересом вникали в детали древней натурфилософии, астропсихологии

А.Л. Чижевский. Защита докторской диссертации. Москва, 1918

и математического мистицизма Пифагора, средневековой алхимии, находя в них отблески единой, почти забытой современниками и лишь предугадываемой одиночными мыслителями доктрины. Назовем эту доктрину, используя термин русского христианского неоплатоника А.Ф. Лосева, «солнечным монотеизмом». Ее суть – в признании Солнца средоточием космической энергии, «энергетической первопричиной» и «источником всей земной жизни»¹.

с психически больными. По его наблюдению, однажды помещенные в канцелярию писаря «тогдашас подвергались психической эпидемии (выделено мной. – А.В.), весьма быстро заражавшей все нормально человеческое и еще быстрее развивавшей искаженные потребности, желания, стремления...»² Не лучше обстояло дело и с другими гражданами государства Российского. Потрясенный неожиданным прозрением, доктор Крупов принялся изучать, так сказать, историю проблемы.

Литературные прототипы и философские истоки «историометрии»

Всемирная история для А.Л. Чижевского – это планетарная по своему размаху деятельность, осуществляемая большими массами людей. Как бы ни интерпретировали идеологи эту массовую деятельность, приписывая ей *post factum* некую целесообразность, в целом она все же носит иррациональный, более того, патологический характер. В данном пункте А.Л. Чижевский почти буквально воспроизводит то понимание исторического процесса, которое за полвека до его рождения сформулировал А.И. Герцен и которое было усвоено Л.Н. Толстым в период завершения работы над романом «Война и мир».

В повести «Доктор Крупов» (1847) А.И. Герцен устами своего персонажа предлагает изложение «сравнительной психиатрии с точки зрения совершенно новой». Между прочим он утверждает, что «официальные, патентованные сумасшедшие в сущности и не глупее и не поврежденнее всех остальных, но только самобытнее, сосредоточеннее, независимее, оригинальнее, можно сказать, гениальнее тех. <...> Все несчастье явно безумных – их гордая самобытность и упрямая неуступчивость, за которую повально поврежденные, со всею злобою слабых характеров, запирают их в клетки, поливают холодной водой и пр.». Доктор Крупов был поражен сходством российских чиновников

¹ Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. М., 1995. С. 42.

² Герцен А.И. Собр. соч. в 8-ми т. Т. 1. М., 1975. С. 362–363.

И что же? «Что бы историческое я ни начинал читать, – признавался он, – везде, во все времена открывал я разные безумия, которые соединились в одно всемирное хроническое сумасшествие»³.

Нетрудно узнать в герценовском докторе Крупове предшественника Чижевского. Некоторые мотивы цитируемой повести почти буквально воспроизводятся в философско-исторических размышлениях А.Л. Чижевского. Например, у А.И. Герцена читаем: «История доселе остается непонятною от ошибочной точки зрения. Историки, будучи большею частью не врачами, не знают, на что обращать внимание; они стремятся везде выставить после придуманную разумность и необходимость всех народов и событий; совсем напротив, надобно на историю взглянуть с точки зрения патологии, надобно взглянуть на исторические лица с точки зрения безумия, на события – с точки зрения нелепости и ненужности»⁴. Обратим внимание на использование А.И. Герценом понятий *психическая эпидемия* и *психическое заражение*, которые станут ключевыми для А.Л. Чижевского при построении теории исторических циклов.

Через двадцать лет после публикации процитированной нами повести А.И. Герцен возвращается к ее тематике, чтобы внести некоторые коррективы в «медицинское понимание всемирной истории». В результате возникает текст «AFORISMATA. По поводу психиатрической теории д-ра Крупова» (1868). Поправки к упомянутой теории Семена Ивановича Крупова, все же верившего в возможность постепенного излечения человечества от безумия, вылились в утверждения о том, что «без хронического, родового помешательства прекратилась бы всякая государственная деятельность, что с излечением от него остановилась бы история»⁵. Человеческое безумие подобно слепоте крота – «это не болезнь, а особенность, признак»⁶. Человеку разумному, homo sapiens, «поздний» Герцен противопоставляет «человека безумного – homo insanus, – человека, с бесконечным творчеством меняющего id es fixes и пункты помешательства и постоянно пребывающего верным безумию. Если у людей являлась редкая мания жить по чистому разуму и по разуму устроиться, то она количественно всегда так была незначительна, что ее можно отнести к личным умопомешательствам, а не к тем, которыми зиждутся царства и империи, народы и целые эпохи»⁷.

Любопытны уточнения, дополнения и обоснования герценовской психопатологии всемирной истории, которые мы обнаруживаем в работах А.Л. Чижевского. В отличие от А.И. Герцена, ограничившегося общими ссылками на то, что «земной шар или неудавшаяся планета или больная», А.Л. Чижевский прямо указывает на природный источник безумия – Солнце. Читая его рассуждения, слышишь голос доктора Крупова, воскресшего подобно Лазарю: «В текущий момент развития исторического знания следует признать тот неоспоримый факт, что *история человечества есть совсем нечто другое, чем история историков*, – утверждал А.Л. Чижевский. – Последние не много понимали и понимают в жизнедеятельности того *огромного вихря, который метет человечество вокруг некоторого постоянного физиологического центра и проекционную схему которого дает нам история*, глядящая на этот вихрь из платоновой пещеры. Я хочу сказать, что историей надлежит заниматься психиатрам и невропатологам, а историкам изучать психиатрию»⁸.

Упоминание платоновой пещеры здесь не случайно. Оно свидетельствует о приверженности Чижевского вполне определенной точке зрения на «человеческую природу в отношении ее просвещенности и непросвещенности», метафорически выраженной в известной притче Платона о пещере. Для уяснения скрытого, так нигде и не заявленного Чижевским, несколько упрощенного и отчасти демистифицированного «неоплатонизма» вспомним содержание упомянутой мифологии.

Платонова пещера – символ «человеческого убожества», место обитания непросвещенных людей-узников, с малых лет пребывающих в «оковах неразумия» и видящих «только то, что у них перед глазами». А перед глазами – тени проносимых кем-то перед входом в пещеру вещей. Обитатели пещеры не видят ни самих вещей, ни освещающего их Солнца. Для них существуют только видимые ими тени («проекции», по Чижевскому), и говорят они только о том, что видят, – о тенях, причем воздают «почести и хвалу друг другу, награждая того, кто отличался наиболее острым зрением» при наблюдении текущих теней и «лучше других запоминал, что обычно появлялось сперва, что после, а что и одновременно, и на этом основании предсказывал грядущее». Человек, с которого снимают оковы (некие не называемые

³ Герцен А.И. Собр. соч. в 8-ми т. Т. 1. С. 368.

⁴ Там же. С. 370.

⁵ Там же. С. 474.

⁶ Там же. С. 473.

⁷ Там же. С. 474.

⁸ Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. С. 642.

Платоном «помощники») и которому помогают выбраться из пещеры «на солнечный свет», сначала испытает ослепление и «не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше». Но привыкнув, он сможет «смотреть и на самое Солнце» и в конце концов обретет «правильный взгляд». Если же вернувшись к оставшимся в пещере узникам, этот человек попытается «просветить» их, рассказать об увиденном, то, по мысли Платона, он либо будет признан безумным, либо будет убит обитателями царства теней.

Возможно, Платон описал в своей притче обряд инициации, который сам прошел, подобно своим учителям-пифагорейцам. Для нас здесь важна не биографическая подоплека платоновского сюжета, а данное самим же Платоном толкование притчи. Оказывается, вся эта история была придумана Платоном для того, чтобы показать, что происходит с человеческой душой в ее земном воплощении. Платона более всего интересуют переживаемые человеком в социуме (в полисе) психические трансформации – переход души «из более светлой жизни» к мраку и «человеческому убожеству», характерному для «области, охватываемой зрением», и, наоборот, «от полного невежества к светлой жизни» – «подъем души в область умопостигаемого»⁹.

Нужно сказать, что платоновские описания этих трансформаций отличаются психологической достоверностью и могут быть использованы в качестве феноменологической основы для построений психоаналитиков и психопатологов. Первым на это обстоятельство обратил внимание Фридрих Ницше, заговоривший об «идеомании Платона», состоявшей, по его мнению, в патологической устремленности в сферу эйдосов – чувственно невоспринимаемых космических принципов смыслового оформления земной жизни. Эта неприемлемая для Ницше направленность духовно-психической жизни совершенно правильно ассоциировалась в его сознании с почитаемым Платоном и неоплатониками солнечным богом Аполлоном. В своих титанических усилиях преодолеть платонизм как способ мышления Ницше открыто встает на сторону бога подземного мрака и смерти Диониса, реабилитируя тем самым отвергнутую Платоном направленность взгляда – точку зрения убогого, «пещерного» человека.

Обозначенные Ницше противоположные жизненные ориентации – аполлоническую и дионисийскую – четко различал в своих философско-исторических размышлениях А.Л. Чижевский, писавший, в частности, о борьбе этих двух начал в душе грека: «По-видимому, впервые во Фракии возник культ Вакха, чаще именуемого Дионисом, – бога экстаических порывов и экстаического творчества. Фракия и Македония сохранили в первоначальной чистоте этот оргиастический культ до сравнительно позднего времени. В VIII веке до н. э. культ Вакха из Фракии через Фессалию и Фокиду или по морю – через архипелаг – проник в Элладу, вызвав почти во всей Греции психическую эпидемию иступленного движения. Возник миф о рождении нового бога, и началась борьба двух начал: Аполлона и Диониса. Античная душа грека выходит из длительного равновесия, гармонии и светлой аполлинийской жизнерадостности, отдаваясь во власть дикого, страдающего, пьянящего Диониса. Новый бог топчет мирные созерцающие души греков и во главе буйно неистовствующих, экстаических толп совершает свое победное и шумное шествие по всей Греции»¹⁰.

Около 400 года до н. э. культ Диониса проникает в Рим, «чтобы разрушить относительную строгость римской жизни греко-азиатским раз-

⁹ Платон. Соч. в 3-х т. Т. 3 (1). М., 1971. С. 321–325.

¹⁰ Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. С. 370.

вращением нравов», – отмечает А.Л. Чижевский. Ночные оргии со всевозможными излишествами, ужасами и убийствами получили эпидемическое распространение на италийской почве и были приостановлены лишь в 186 году до н. э. вмешательством сената¹¹. Таков лишь один из множества примеров массового безумия, «коллективных галлюцинаций», приводимых А.Л. Чижевским. Но пример этот очень показателен, поскольку в нем проступает основная категориальная схема толкования всемирно-исторического процесса, усвоенная А.Л. Чижевским в ходе изучения «солнечной традиции». Рассмотрим эту схему подробнее.

Всемирная история с точки зрения астропсихологии

История есть процесс социально-психический. «Однако соотношение между психической деятельностью организма и количеством энергии, поглощенной или воспринятой организмом в различных формах, не может быть точно установлено вследствие отсутствия единицы меры психической деятельности. Но априорно следует предположить, что и к психической деятельности всецело должен быть применен закон сохранения энергии и принцип эквивалентности ее другим формам мировой энергии»¹². Из этого следует, что движущие силы истории не сводятся к таким элементам психики, как инстинкты и влечения (как думал А.И. Герцен), или к «репрессивным» по отношению к названным элементам социальным факторам (внеэкономическое и экономическое принуждение, политическая власть, церковь и др.). *Психика, согласно А.Л. Чижевскому, представляет собой продукт превращения солнечной энергии. «Усиленный приток лучистой энергии Солнца превращается, пройдя ряд промежуточных стадий, в избыток нервно-психической, эмоциональной энергии»¹³, – утверждал он. Такой ход мысли позволил ему придать своей натуралистической философии истории ярко выраженный пафос энергетизма. Его суть – в изображении человеческой психики как модуса солнечной субстанции, то есть феномена внеземного происхождения.*

Для уяснения же смысла и бессмыслицы всемирной истории важно определить, на что направлена эта дарованная человечеству энергия, ради чего она растрачивается людьми. Дело ведь не только в цикличности исторического процесса, в сменяющих друг друга периодах массового

возбуждения и депрессии. Если бы всемирная история не заключала в себе ничего, кроме циклов, отображенных А.Л. Чижевским в его синхронистических таблицах, человечество не вынесло бы абсурдности своего существования, пошло бы на самоуничтожение (что в настоящее время и происходит). Но все своеобразие исторического бытия обусловлено тем, что человек реагирует не только на энергетические воздействия геокосмической среды обитания, но и на смыслы, которые обнаруживает во всем сущем или устанавливает, изобретает, приписывает тому, что существует, происходит, свершается. И даже нервно-психическое возбуждение или подавленность могут рассматриваться как реакции человека на различные смыслы («эйдосы»). Содержательно-качественное своеобразие исторического процесса, таким образом, проистекает из метафизической природы человека, не уловимой для физиков-«физиологов». Эта метафизическая сущность человека находит свое выражение в смыслополагании. Человек – единственное существо на Земле, которое, совершая свое бытие, еще к тому же и осмысливает его. Это значит, что *человеческое бытие всегда имеет какую-то смысловую направленность и заданность, всегда является интенционально определенным. Скрытая телеология человеческого бытия* и придает ему исторический характер, проявляясь в той или иной системе регулирующих жизненную практику ценностей. Нервно-психическое возбуждение масс само по себе не творит историю. Важно понять, какое смысловое («эйдетическое») оформление массовой деятельности предлагают так называемые «всемирно-исторические индивидуумы». А.Л. Чижевский об этой стороне дела умалчивает, оставаясь сторонником натуралистической интерпретации исторического процесса.

Тут возможны две прямо противоположные интенции – *нигилистическая*, выражающая донисийскую «волю к ничто» (влечение к беспорядку, стремление вернуться в изначальный хаос, раствориться в темной бездне первоматерии) и придающая земной человеческой жизни пафос «бытия-к-смерти», и творческая, осуществляющая аполлоническую «волю к благу» и демонстрирующая «победу над смертью». Так случилось, что западноевропейское человечество не только отвергло солнечную религиозность неоплатонизма и митраизма, но и сумело до неузнаваемости исказить светоносное по своей сути первоначальное христианство, превратив его в религию жизнеотрицания и смерти. Нигилизм тем самым оп-

¹¹ Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. С. 371.

¹² Там же. С. 650.

¹³ Там же. С. 244.

ределил внутреннюю историческую судьбу Запада, а в настоящее время в условиях глобальной экспансии западной цивилизации навязывает *логику аннигиляции* всему человечеству.

Активное истребление малых народов-солнцеклонников началось еще в эпоху так называемых «великих географических открытий». За Россию же всерьез взялись уже в XX столетии. Незадолго до смерти наш христианский неоплатоник Владимир Соловьев предсказывал грядущее всевластие нигилистов в России. Это пророчество сбылось. Русским космистам – и К.Э. Циолковскому, и А.Л. Чижевскому – пришлось отстаивать «аполлоническую» доктрину в эпоху «власти Тьмы».

Очевидно, исходная интуиция Чижевского вписывается в «солнечную традицию», следы которой он сам находил в мифологиях и философских концепциях древности. Можно утверждать, что Чижевский вполне осознанно шел по пути возобновления прерванной традиции «солнечного монотеизма», с необычной для ученого смелостью используя при этом элементы эзотерических учений, отчасти вдохновленный в этом плане своим духовным учителем и другом К.Э. Циолковским. Не исключено, что при этом он чувствовал себя платоновским «узником», вырвавшимся из «пещеры» и увидевшим то, чего не видели его современники, – Солнце во всей его благостной и губительной для человечества мощи.

Можно предположить, что первопрозрение А.Л. Чижевского произошло, когда ему было около 18 лет. Известно, что в 1915 году он уже начал изучать «нервные реакции человечества» на состояния Солнца, накапливать статистический материал о влиянии солнечной деятельности на массовые движения и составлять свои синхронистические таблицы, заинтересовавшие известных русских историков Н.И. Кареева и С.Ф. Платонова. Результаты исследований были сформулированы А.Л. Чижевским в докладе «Влияние периодической деятельности Солнца на возникновение и развитие эпидемий» (Калуга, 1922), оставшемся неопубликованным, и в книге «Физические факторы исторического процесса» (Калуга, 1924), изданной по рекомендации А.В. Луначарского. После этого началась травля автора, получившего клички Солнцеклонник и Мракобес. Чижевский оказался на грани нервного срыва. Можно подумать, будто ему было суждено испытать самой своей жизнью логику платоновой притчи о пещере. «Отвратительная борьба с гением человека во имя догм проходит кровавой нитью через всю историю человечества, за столь редкими исключениями, что они тонут в бездне лишений, которыми устлан путь истинных творцов науки»¹⁴, – отмечал он в своих воспоминаниях. «Преследование» А.Л. Чижевского продолжается и по сей день – в его уже посмертном существовании. И в этом есть некая неизбежность: *диктатура посредственности, установленная в России в XX столетии, всегда утверждала и продолжает утверждать себя через отрицание гениальности* – отрицание социально-психологическое на уровне быта, в повседневном существовании, официально-идеологическое в околонуучных кругах и в конечном счете метафизическое.

Чем же так напугала «пещерных» людей с психологией «узников» разработанная А.Л. Чижевским теория исторических циклов, соответствующих ритмам солнечной деятельности? Прежде всего разрушением привычных координат социального «геоцентризма», за что еще в 1600 году был сожжен Джордано Бруно. Сами по себе синхронистические таблицы А.Л. Чижевского не заключают в себе никаких угроз для правящей в социуме посредственности. Ужасает же интерпретация полученных ученым данных. Именно философско-историческое толкование совпа-

¹⁴ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания. М., 1995. С. 503.

дений ритмов солнечной активности и охватывающих человеческие массы «психических эпидемий» нанесло сильнейший удар по антропосоциоцентризму, то есть по метафизическому фундаменту политической власти в любой ее исторической модификации. Основное содержание защищаемой А.Л. Чижевским концепции можно свести, на мой взгляд, к следующим утверждениям:

– всемирно-исторический процесс представляет собой последовательность периодически сменяющих друг друга массовых психических эпидемий, которые следует рассматривать как иррациональные коллективные реакции человечества на возмущения геокосмической среды обитания, вызванные вспышками солнечной активности;

– в периоды повышенной солнечной активности импульсивные индивиды, аффективные личности, истерики становятся «центрами распространения психической заразы»¹⁵, возглавляют массовые движения, придавая им разрушительную «дионисийскую» направленность;

– власть этих вождей, лидеров над массами базируется на фиксируемых в мифах религиозных учениях или идеологиях, «коллективных иллюзиях» и имеет характер гипноза;

– лишь мышление избранных («аполлонических») натур, будучи чистым выражением «лучистой энергии» Космоса, способно придать позитивную смысловую направленность всемирно-историческому процессу; но в силу своего подлинно космического размаха и из-за своей принципиальной асоциальности это мышление отторгается массами и их вождями, а его носители преследуются и истребляются.

«Если бы мы могли охватить одним взглядом историю человечества и представить ее себе всю сразу “здесь и теперь”, мы были бы поражены возникшею перед нами картиной, – писал Чижевский. – Это была бы не “условная сказка”, не “история заблуждений”, а “история желтого дома” Ницше – самого страшного, добавлю я, су-

А.Л. Чижевский в рабочем кабинете в Москве. 1963

масшедшего дома, который мог только пригрезиться дьяволу»¹⁶.

Пессимистические оценки современности, проистекающие из предложенного А.Л. Чижевским психопатологического видения всемирной истории, странным образом совпадают с пророчествами бессмертного А.И. Герцена. Поразительны и стилистические параллели в творчестве этих русских мыслителей, дающие повод для антропософов говорить о духовно-психическом тождестве двух личностей, двух воплощений одной астральной сущности. Отметим все же важное различие: в отличие от А.И. Герцена, считавшего себя «полуверком» и не сумевшего преодолеть разрушающий душу нигилизм, А.И. Чижевскому удалось завершить мучительный процесс платоновского припоминания и обрести спасительное знание в контексте древнейшей традиции «солнечного монотеизма».

¹⁵ Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. С. 470.

¹⁶ Там же. С. 642.